

РУССКИЙ НЕКРОПОЛЬ В КИКИНДЕ

В результате революционных событий 1917 г. и гражданской войны в России (1918–1922), в период с 1919 по 1923 г., в ходе пяти крупных волн, в новооснованное государство южных славян – Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия) прибыли 41 000–44 000 русских беженцев [Јовановић 1996, с. 186, Јовановић 2006]. Самое большое число осело в столице страны – Белграде [Јовановић 1996]. Согласно переписи населения Королевства СХС, проведенной 31 января 1921 г., в Белграде было зарегистрировано 1 999 русских беженцев [Краљевина Југославија 1932, с. 5], в Сараево – 762 [Арсеньев 2010, с. 141], в Загребе – 360 [Краљевина Југославија 1932, с. 263], в Любляне – 113 человек [Там же, с. 293]. По прибытии в страну русские беженцы стали создавать свои сообщества – «русские колонии», кото-

Город Велика-Кикинда. Собрание Национального музея Кикинды.

рых насчитывалось около 300-т [Арсеньев 1999]. Одной из них была колония в городе на северо-востоке Сербии, на границе с Румынией, – в г. Велика-Кикинда (Кикинда).

До 1918 г. Велика-Кикинда (Кикинда) входила в состав Австро-Венгрии. После того, как 20 ноября 1918 г. в город вошли сербские войска и 1 декабря 1918 г. было провозглашенное Королевство сербов, хорватов и словенцев, город стал частью этого государства [Рајков 2003, с. 193]. С тех пор он являлся пограничным городом, где согласно переписи населения, проведенной в феврале 1919 г., проживало 25 644 человека [Милошев 2015, с. 32].

Первые русские беженцы приехали в этот город еще в 1919 г. из Белграда [Јовановић 1996, с. 199–200]. В июне 1920 г. в Великой Кикинде зарегистрировали 21 русского [Арсеньев 2011], спустя более 6 месяцев, согласно вышеупомянутой переписи населения Королевства СХС, в городе проживало 52 русских беженцев [Краљевина Југославија, с. 1932, с. 347]. К 1926 г. число русских жителей Кикинды многократно увеличилось в связи с открытием в городе в 1921 г. Первой русско-сербской девичьей гимназии-интерната, которая просуществовала до 1931 г. [Миленковић 2004; Арсеньев 2011; Арсеньев 2016, с. 452–469; Живанович 2016]. В 1921 г. зарегистрирован уже 81 русский (0,14 % от общего числа жителей города) [Милошев 2015, с. 125; Милошев 2016, с. 121–126], в 1926 г. – 363 русских, из которых 198 человек составляли ученицы гимназии¹. В 1934 г. в Кикинде проживало 419 русских эмигрантов (что составляло 1,47 % от общего числа жителей города)².

Увеличение числа русских жителей города в 1930-е гг. связано с переездом в Великую Кикинду дома престарелых. В 1920 г. за счет пожертвований и на средства Государственной комиссии по делам русских беженцев³ в черноморском городе Игало был открыт Приют Российского общества Красного Креста (старой организации) (далее: РОКК) для престарелых, инвалидов и нетрудоспособных. В прибрежном городе это учреждение существовало до 1931 г., когда из-за тяжелого экономического положения и нехватки помещений правительством решило перевести приют в другое место, в Великую Кикинду⁴.

В первый год дом престарелых принял около ста инвалидов. В учреждении проживали нетрудоспособные, пожилые и больные лица, у многих из них семьи остались в России. У большинства из призреваемых не было ни доходов, ни имущества. Насельников в приют направляли со всего государства. Более всего — из Воеводины, в первую очередь из городов Велика-Кикинда и Панчево, из-за близости расположения приюта, затем – из населенных пунктов

¹ ИАК. Ф. 60. Оп. 179.

² ИАК. Ф. 60. Оп. 167.

³ Речь шла об организации, изначально созданной для обеспечения финансовой помощи прибывающим беженцам в 1920 г., а затем ставшей самым важным эмигрантским учреждением в стране [Јовановић 1996, с. 83–87].

⁴ ИАК. Ф. 60. Оп. 171. Д. 355.

территории довоенного Королевства Югославия. Приют был рассчитан на 90 человек, принимались лица и мужского, и женского пола, в основном достигшие 65 лет или утратившие не менее 75 % трудоспособности. Существовали штатные, сверхштатные и своекоштные призреваемые. Для большинства подопечных это учреждение стало местом их последнего приюта [Живанович 2017, с. 64–66].

Согласно метрическим книгам за период 1932–1936 гг. и 1942–1945 гг. в приюте скончалось около 140 русских⁵. По данным, которым располагало руководство этого учреждения, за период с 1939 по 1948 г. из 238 подопечных в доме престарелых умерло 124 человека, то есть 52,1% [Живанович 2025, с. 167]. Для сравнения отметим, что согласно данным метрических книг русского прихода в Нови-Саде (город на севере Сербии), численность колонии которого в начале 1922 г. насчитывала около 1 200 человек, в межвоенный период здесь было похоронено 225 русских. Всего в метрические книги, которые велись с февраля 1922 г. по июнь 1955 г., внесено 385 имен скончавшихся русских [Арсеньев 1999].

В межвоенный период умерших представителей русской городской колонии хоронили на одном из участков на периферии кикиндского православного Железничского кладбища. Там, согласно записям из церковных книг, русских стали хоронить уже в начале 1920-х гг. – один из первых был погребен в августе 1921 г.⁶ Предполагаем, что так называемый «русский участок» тогда и начал создаваться: могилы русских беженцев на этом кладбище, да и на остальных «русских» участках городских кладбищ по всей территории Королевства СХС / Югославии, где имелись русские колонии, – в основном были сгруппированы и составляли отдельные участки [Арсеньев 1999].

На таком участке Железничского кладбища с 1931 г. – года переезда Приюта РОКК (старой организации) в город – хоронили и подопечных дома престарелых. Так как в приюте проживали штатные, сверхштатные и своекоштные призреваемые, мы предполагаем, что расходы на погребение в тех случаях, когда у усопшего не было родственников или друзей, покрывало само руководство приюта, которое также оплачивало и их пребывание в самом заведении [Живанович 2017, с. 65–66].

В межвоенный период погребения представителей русского зарубежья в Кикинде совершали русские священники: сначала Василий Шустин, а затем Лев Шепель [Живанович 2017, с. 69]. Похороны военных, в том числе состоявших в приюте (здесь с 1939 по 1948 г. проживало 18 полковников) [Живанович 2017, с. 75–87], – были торжественны: местный гарнизон и русская колония с почестями провожали усопшего к месту упокоения. Гроб везли на лафете, рус-

⁵ Приют Российского Общества Красного Креста для стариков и старух в Великой Кикинде (собрание А.Б. Арсеньева; неопубликованная рукопись).

⁶ Записи из метрических книг умерших-отпеваемых при церкви Св. Николая в Кикинде.

ские кадеты несли ордена и венки. При опускании тела в землю производился оружейный залп [Живанович 2025].

Но уже в тот же период состояние могил представителей русского зарубежья в Кикинде (а также в других городах страны) стало ухудшаться. В русской эмигрантской газете «Новое время» еще в 1923 г. (вскоре после завершения последней крупной беженской волны) была опубликована статья, в которой указывалось на запущенность, нарастающее ухудшение состояния могил русских беженцев. Определенные меры по приведению в порядок русских могил были предприняты русскими колониями: в городе Панчево (расположенном недалеко от Белграда), как и в случае с другими русскими сообществами, само управление колонии (с согласия компетентных органов) взяло на себя заботу о русских могилах на местных кладбищах [Живанович 2025, с. 175, 176]. В случае Великой Кикинды меры приняло руководство Приюта РОКК (старой организации). В 1938 г. оно решило провести ремонт захоронений на русском участке на Железничском кладбище. Предполагаем, что речь шла в основном о могилах подопечных приюта. Сама акция была поддержана Государственной комиссией по делам русских беженцев, которая по просьбе руководства приюта выделила дому престарелых значительную сумму денег – 2 000 динаров⁷. И в последующем руководители приюта занимались этим делом.

После одиннадцатидневной Апрельской войны – вторжения Германии и Италии в Королевство Югославия 1941 г. и последовавших капитуляции страны, разделения ее территории и оккупации Сербии немцами (1941–1944 гг.), именно руководство приюта заботилось об умерших призреваемых и их погребении, гробе, кресте, могиле. В данный период определенную помощь руководству приюта, а также подопечным, оказывал начальник Отдела социальной помощи единственной организации русских эмигрантов в оккупированной Сербии – Управления делами русской эмиграции в Сербии. Ему руководство приюта отправляло финансовые отчеты о расходах на погребение, крест и надгробный памятник умершего [Живанович 2017, с. 70], так как у немалого числа подопечных не было ни имущества, ни семьи. Так, например, у Александра Константиновича Фиксена, умершего в приюте в 1944 г., «денег не было, а духовного завещания он не оставил». Все его вещи — старый жилет (оценен в 30 динаров), старое черное пальто (200 динаров), пара черных ботинок (300 динаров). В Югославии у него не было близких лиц — жена и дочь остались в советской России⁸.

Во время оккупации Сербии представителей русского зарубежья продолжали хоронить на русском участке Железничского кладбища⁹. На приведе-

⁷ ГА РФ. Ф. Р-6792. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

⁸ ИАК. Ф. 74. Оп. 12.

⁹ Записи из метрических книг умерших-отпеваемых при церкви Св. Николая в Кикинде.

ние могил в порядок, установку памятника и прочие нужды руководство приюта должно было возбуждать отдельные ходатайства перед Отделом социальной помощи, и только в отношении лиц, умерших в приюте и имевших достаточные суммы на погребение. Этими действиями, однако, деятельность приюта не ограничивалась. Несмотря на очень непростое экономическое положение, в 1943 г. управление приюта начало сбор пожертвований на обустройство участка и возведение общего надмогильного креста русским людям, умершим на чужбине в Кикинде. В 1943 г. в кассе было 5 386,50 динара [Живанович 2017, с. 70–71]. Но, к сожалению, эта инициатива так и не была реализована.

Согласно данным, опубликованным в феврале 1942 г. в русской эмигрантской газете «Новый путь», в Великой Кикинде проживало 207 русских. Эта колония являлась одной из самых многочисленных в оккупированной Сербии [Новый путь 1942]. Большую часть колонии составляли призреваемые приюта. В декабре 1943 г. число подопечных составляло 96 человек¹⁰, в апреле 1944 г. – 94¹¹, в сентябре 1944 г. в приюте проживало 95 призреваемых¹². В начале октября в доме престарелых находилось 87 подопечных¹³, в ноябре (после освобождения города от фашистов) – 69¹⁴. В 1944 г. число подопечных приюта, а также жителей Кикинды, сократилось из-за кончины, по нашим подсчетам, 14 эмигрантов¹⁵ и похороненных на Железничском кладбище¹⁶. На уменьшение числа русских в Кикинде, безусловно, повлиял и отъезд ряда эмигрантов в сентябре 1944 г. перед приходом подразделений Красной армии и Народно-освободительной армии Югославии в город [Живанович 2017, с. 71].

Несмотря на приход Коммунистической партии Югославии к власти в стране, приют продолжал работать и после 1945 г. Он находился под контролем представительства социального обеспечения Главного народного комитета автономного края Воеводины, выдававшего разрешение на размещение в приюте (во время оккупации об этом заботилось Управление делами русской эмиграции в Сербии, а в период до 1941 г. — Правление РОКК) [Живанович 2017, с. 71–72].

После освобождения города, в Кикинде, согласно данным председательства Городского народного комитета от октября 1945 г., проживало 46 рус-

¹⁰ ИАК. Ф. 74. Оп. 13.

¹¹ ИАК. Ф. 74. Оп. 12.

¹² ИАК. Ф. 74. Оп. 12.

¹³ ИАК. Ф. 74. Оп. 13.

¹⁴ ИАК. Ф. 74. Оп. 13.

¹⁵ Записи из метрических книг умерших-отпеваемых при церкви Св. Николая в Кикинде.

¹⁶ Записи из метрических книг умерших-отпеваемых при церкви Св. Николая в Кикинде.

ских (не имевших югославского подданства) и 7 калмыков¹⁷. По другим данным, в октябре 1944 г. в городе осталось 173 эмигранта [Арсеньев 2011].

В отчете, составленном в августе 1947 г., отмечалось, что в приюте содержатся 53 подопечных (34 мужчины и 19 женщин), в 1948 г. – 46, в 1950 г. – 37 человек [Живанович 2017, с. 73, 74]. Предполагаем, что к февралю 1951 г. учреждение было ликвидировано, так как в одном из документов, датированном февралем 1951 г., упоминался не приют, а дом престарелых в Кикинде¹⁸. Из-за ликвидации этого заведения и вымирания старшего поколения число русских в Кикинде (как и в других городах страны) значительно сократилось. В 1971 г. в городе было зарегистрировано 68 русских, в 1981 г. – 29, в 1991 г. – 19 [Милошев 2015, с. 125].

С 1945 г. русских жителей Кикинды, а также подопечных приюта, хоронили как на Железничском кладбище, так и на других городских кладбищах – подобная практика зафиксирована и в других городах (например, в городах Нови-Сад, Зренянин) [Арсеньев 1999]. На Мокринском кладбище первых представителей городской русской колонии, а именно двух военных, похоронили в 1930-е гг., – но эти погребения стали скорее исключением, так как русских там стали хоронить с 1945 г. до 1990-х гг.¹⁹ На этом кладбище покоятся около 40 русских²⁰.

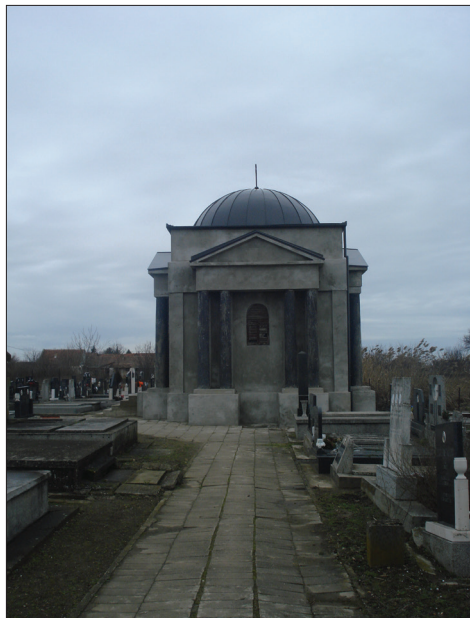
На Мокринском кладбище находится и часовня, построенная князем Георгием Дмитриевичем Маврокордато и его супругой Катериной (урожд. Йованович). Георгий Дмитриевич принадлежал к семье владетельных князей Валахии и Молдавии. Его предок, Александр Маврокордато, который участвовал в завоевании Крыма, получил титул князя от Екатерины II. Георгий Дмитриевич Маврокордато родился в Одессе в 1881 г., окончил университет в Петербурге, поступил на дипломатическую службу. До 1914 г. он был секретарем в генеральном консульстве Российской империи в Будапеште [Живанович 2016]. Там дипломат познакомился со своей будущей женой, сербкой Катериной, внучкой известного сербского промышленника, купца Лазаря Дунджерского [Дрвар 2011, с. 17]. Во время Первой мировой войны Маврокордато работал в российском посольстве в Париже. После революции он эмигрировал в Королевство СХС. В межвоенный период Георгий Дмитриевич оказывал помощь и поддержку своим соотечественникам, проживавшим на чужбине. Его уважали как русские эмигранты, так и представители правящей династии Карагеоргиевичей [Кнез 1939, с. 9]. Сам князь жил вблизи Великой Кикинды в имении «Дубоко», где построил летний дворец с садом [Дрвар 2011, с. 17, 19].

¹⁷ ИАК. Ф. 101. Оп. 162.

¹⁸ ИАК. Ф. 74. Оп. 13.

¹⁹ Записи из метрических книг умерших-отпеваемых при церкви Св. Николая в Кикинде.

²⁰ Записи из метрических книг умерших-отпеваемых при церкви Св. Николая в Кикинде.

Часовня, построенная князем Георгием Дмитриевичем Маврокордато и его супругой Катериной (урожд. Йованович). Фотографии автора.

Часовня на Мокринском кладбище была построена как семейная усыпальница, но супругов Маврокордато там не похоронили [Иштван 2023, с. 200]. Георгий Дмитриевич умер в Белграде в июле 1939 г. от болезни сердца [Живанович 2016]. Похороны прошли в югославской столице: на отпевании присутствовали представители короля, Министерства иностранных дел Югославии, мэр Белграда. Маврокордато был похоронен в крипте Иверской часовни на русском участке Нового кладбища в Белграде, рядом с могилой митрополита Русской православной церкви за рубежом Антония Храповицкого [Сахрана 1939, с. 5]. После смерти мужа часовню на Мокринском кладбище вдова Георгия Дмитриевича подарила Сербской православной церкви [Иштван 2023, с. 200].

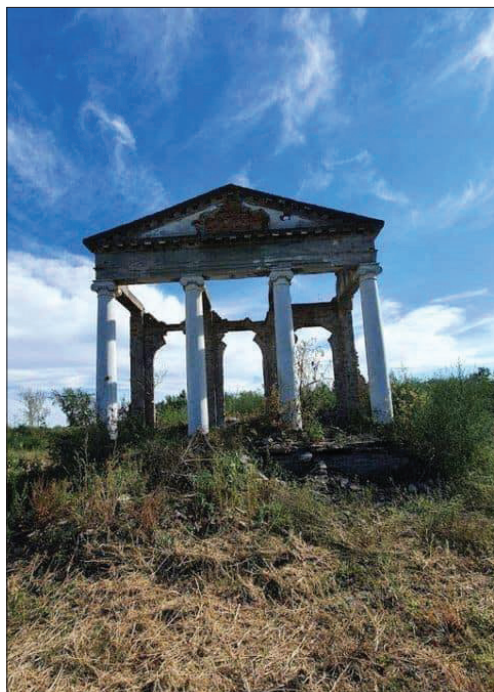
После Второй мировой войны имущество Маврокордато (имение, вместе с садом и летним дворцом) было изъято, в результате проведенной в данный период новыми властями аграрной реформы оно было передано одному из сельскохозяйственных предприятий. До 1970 г. в здании дворца располагалась главная контора предприятия. В конце XX в. произошло почти полное разрушение дворца – до сегодняшнего дня сохранились всего несколько столбов, а также часть фундамента [Дрвар 2011, с. 20].

С 1945 г. русских эмигрантов хоронили и на Мелином кладбище, которое расположено у церкви Св. Троицы. Здесь нашли свой последний приют

*Летний дворец князя Георгия
Дмитриевича Маврокордато.
1920-е–1930-е гг.*

Фотография Милинко Арсенова

*Летний дворец князя Георгия Дмитриевича
Маврокордато. Сегодняшнее состояние.*

Фотография Милинко Арсенова.

около 35 русских. Одно из последних погребений было совершено там в конце 1980-х гг.²¹

На Железничском кладбище русских хоронили до конца 1970-х гг.²² Здесь покоятся около 220 человек [Живанович 2016].

Из почти 300 могил русских эмигрантов на кикиндских кладбищах, согласно исследованиям К.А. Залесского, как минимум 70 захоронений принадлежат офицерам Русской императорской армии (не считая офицеров казачьих войск и военно-морского флота). Поскольку не у всех похороненных лиц известна их профессиональная принадлежность, это число со временем может увеличиться еще на 15–20 позиций. Известно, что на кладбищах в Ки-

²¹ Записи из метрических книг умерших-отпеваемых при церкви Св. Николая в Кикинде.

²² Записи из метрических книг умерших-отпеваемых при церкви Св. Николая в Кикинде.

кинде²³ покоятся 9 генералов и 28 полковников. Большинство из них — семь человек — это генерал-майоры, и только по одному генералу от инфanterии и генерал-лейтенанту. Большинство похороненных в Кикинде военных были участниками Первой мировой войны. Среди воинских чинов, погребенных на кладбище Кикинды, число георгиевских кавалеров чрезвычайно велико: из 70 захороненных офицеров таковых более 14% — 10 человек [Залесский 2016, с. 210–216].

В Кикинде свои последний приют нашли и представители титулованного и столбового дворянства Российской империи: князь Дмитрий Николаевич Долгоруков, барон Сергей Павлович Корф, грузинская княжна Елена Цабуа-Дадиани [Мальцев 2016, с. 239–240]. Князь, корнет, участник гражданской войны Дмитрий Николаевич Долгоруков (1888–1955) был потомком Василия Михайловича Долгорукова-Крымского, занявшего во время войны 1768–1774 гг. Крым и вынудившего крымского хана Селима бежать в Стамбул. Возведенный Василием Михайловичем на место хана сторонник России хан Сахиб II Гирей подписал с Долгоруковым-Крымским Карасубазарский трактат в 1772 г., в результате которого Крымское ханство было провозглашено независимым от Османской империи государством и состояло под покровительством России [Мальцев 2016, с. 239–240]. С 1932 г. Дмитрий Николаевич был подопечным Приюта РОКК [Живанович 2017, с. 77]. Он умер в Кикинде в 1955 г.²⁴ Однако неизвестно, где именно он похоронен. Его имя нам не удалось обнаружить в метрических книгах умерших-отпеваемых при церкви Св. Николая в Кикинде.

Барон Сергей Павлович Корф (1867–1936) был титулярным советником, камер-юнкером Высочайшего Двора, секретарем Петроградского дворянства, Шлиссельбургским уездным предводителем дворянства, владельцем имения Ириновка. Корф также состоял членом Комитета по строительству в Петрограде храма в память 300-летия дома Романовых [Мальцев 2016, с. 239–240]. Он похоронен на Железничском кладбище²⁵.

Княжна Елена Цабуа-Дадиани (урожд. Шервашидзе²⁶; 1891 или 1898²⁷ – 1923) принадлежала к роду владетельных князей (мтаваров) Мегрельско-

²³ Записи из метрических книг умерших-отпеваемых при церкви Св. Николая в Кикинде.

²⁴ Запись из муниципальных сводок города Кикинды.

²⁵ Запись из метрических книг умерших-отпеваемых при церкви Св. Николая в Кикинде.

²⁶ Запись из метрических книг умерших-отпеваемых при церкви Св. Николая в Кикинде.

²⁷ Запись из метрических книг умерших-отпеваемых при церкви Св. Николая в Кикинде.

*Русский участок Железничского кладбища в Кикинде. Состояние 2015 г.
Фотография Неманы Девича.*

*Русский участок Железничского кладбища в Кикинде. Состояние 2015 г.
Фотография автора.*

го княжества [Мальцев 2016, с. 239–240]. Она также похоронена на Железничском кладбище в Кикинде²⁸.

Свой последний приют в Кикинде нашли и представители высшего гражданского чиновничества Российской империи: четверо действительных тайных советников (на 1903 г. во всей Российской империи было 99 действительных тайных советников). В Кикинде скончались и уездный предводитель дворянства Черниговской губернии, и девять статских советников [Мальцев 2016, с. 239–240].

В течение десятилетий русский участок на Железничском кладбище находился в ужасном состоянии. Уже в 1960-е гг. он зарос кустарником [Арсењев 2011]. В июне 1985 г. даже хранитель этого кладбища не мог в течение 20-ти минут отыскать русский участок, не говоря уже о каком-нибудь русском памятнике-могиле²⁹. Только в 2016 г. усилиями русской и сербской сторон этот участок, площадью около 2 000 квадратных метров, был восстановлен, очищен от кустарника, сорняка, проведено механическое удаление верхнего слоя грунта [Помоћ 2016]. Тогда же был возведен и памятник русским людям, умершим и похороненным в Кикинде.

Русский некрополь в Кикинде уникален тем, что здесь покоится немало представителей русской военной эмиграции, живших и скончавшихся в доме престарелых. В общей сложности на трех городских кладбищах Кикинды до 1990-х гг. покоилось почти 300 русских эмигрантов³⁰.

²⁸ Запись из метрических книг умерших-отпеваемых при церкви Св. Николая в Кикинде.

²⁹ Приют Российского Общества Красного Креста для стариков и старух в Великой Кикинде (собрание А.Б. Арсењева; неопубликованная рукопись).

³⁰ На кладбищах, например, Нового Сада и Петроварадина до 1990 г. было погребено свыше 800 русских; в начале 1980-х гг. на этих кладбищах А.Б. Арсењевым было обнаружено всего около 340 сохранившихся надгробий [Арсењев 1999].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ИАК – Исторический архив г. Кикинда

РОКК – Российское Общество Красного Креста

ЛИТЕРАТУРА

Арсеньев 1999 – *Арсеньев А.Б.* У излуцины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М.: Русский путь, 1999. 253 с.

Арсеньев 2010 – *Арсеньев А.Б.* Русская эмиграция в Боснии и Герцеговине (1919–1990-е гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2011. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. С. 140–169.

Арсеньев 2016 – *Арсеньев А.Б.* «Второй Смольный» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1921–1931) // Нансеновские чтения. Русская школа за рубежом. Прошлое и настоящее. СПб: «Северная звезда», 2016. С. 452–469.

Живанович 2016 – *Живанович М.* Бережно храня следы: русские эмигранты в Великой Кикинде и монахини монастыря Хопово. М.: ВСФ Урал, 2016. 226 с.

Живанович 2017 – *Живанович М.* Приют Российского Общества Красного Креста для престарелых, инвалидов и нетрудоспособных в городе Велика-Кикинда // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2017. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2017. С. 61–88.

Живанович 2025 – *Живанович М.* Русские могилы в Югославии. Белград: Центр по изучению России и Восточной Европы им. М. Йовановича Философского факультета Белградского университета; Архив Сербской православной церкви; Русский научный институт, 2025. 518 с.

Залесский 2016 – *Залесский К.А.* Русские герои Великой войны, нашедшие последнее пристанище в Сербии. Георгиевские кавалеры на кладбище в Велика-Кикинде // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 6. С. 210–216.

На городском православном кладбище г. Панчево, на котором покоятся примерно 1 100 представителей русского зарубежья, до сегодняшнего дня сохранилось всего около 50 захоронений [Палибрк-Сукић 2005, с. 115].

Мальцев 2016 – *Мальцев Д.А.* Представители русской аристократии, похороненные на кладбище в Велика-Кикинде // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 6. С. 239–240.

Новый путь 1942 – Новый путь. 1942. 22 февраля.

Арсењев 2011 – *Арсењев А.Б.* Самовари у равници: руска емиграција у Војводини. Нови Сад, 2011. 291 с.

Дрвар 2011 – *Дрвар А.* Реконструкција Јовановићевог салаша у Кикинди. мастер рад, Универзитет у Новом Саду, Пољопривредни факултет, Нови Сад 2011. 80 с.

Иштван 2023 – *Иштван М.* Овде почивају у вечном миру. Гробља у Кикинди. Нови Сад: Архив Војводине, 2023. 525 с.

Јовановић 1996 – *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд: Стубови културе, 1996. 386 с.

Јовановић 2006 – *Јовановић М.* Руска емиграција на Балкану (1920–1940). Београд: Чигоја штампа, 2006. 560 с.

Кнез 1939 – Кнез Георгије Маврокордато // Време. 1939. 4 јула. С. 9.

Краљевина Југославија 1932 – Краљевина Југославија: Општа државна статистика: Дефинитивни резултати пописа становништва од 31. јануара 1921. Београд: Општа државна статистика, 1932. 467 с.

Миленковић 2004 – *Миленковић Т.* Школовање деце емиграната из Русије у Југославији 1919–1941, Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2004. 481 с.

Милошев 2015 – *Милошев М.* Велика Кикинда: од 1918. до 1929. године. Ново Милошево: Банатски културни центар, 2015. 160 с.

Милошев 2016 – *Милошев М.* Руске избеглице у Великој Кикинди // Attendite. 2016. № 12. С. 121–126.

Палибрк-Сукић 2005 – *Палибрк-Сукић Н.* Руске избеглице у Панчеву 1919–1941, Панчево: Градска библиотека; Историјски архив, 2005. 269 с.

Помоћ 2016 – Помоћ обнови Руског гробља // ЈП «Кикинда». 2016. 3 марта. URL: <https://www.jpikinda.rs/pomoc-obnovi-ruskog-groblja/>

Рајков 2003 – *Рајков М.* Историја града Кикинде до 1918. године. Кикинда: Историјски архив, 2003. 217 с.

Сахрана 1939 – Сахрана кнеза Маврокордато // Време. 1939. 6 јула. С. 5.